

УДК 398.2(571.1/.6)
DOI 10.25587/SVFU.2019.15.36600

Ю. В. Лиморенко
Институт филологии СО РАН

РЕАЛИИ И КОММЕНТАРИИ К НИМ В НАУЧНЫХ ПЕРЕВОДАХ ЭПИЧЕСКИХ СКАЗАНИЙ

Аннотация. В статье исследуется передача реалий в переводах героических сказаний народов Сибири на русский язык. С использованием сопоставительного и классификационно-типологического методов выделены тематические группы реалий, встречающихся в героическом эпосе, описаны виды комментариев к реалиям, изучены разновидности ошибок и неточностей при выделении и комментировании реалий. Материалом для исследования служат тексты героических сказаний, изданные в двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока» и научный аппарат этих томов.

Фольклорный текст всегда насыщен реалиями, в героических сказаниях они несут большую смысловую нагрузку, определяя историко-этнографический и культурный фон, на котором развивается сюжет. Большинство реалий, которые можно встретить в героическом эпосе, относятся к трём тематическим группам: географические (наименования природных объектов и различных типов человеческих поселений), этнографические (бытовые, хозяйственные, связанные с народным искусством, верованиями и культурами) и общественно-политические (названия глав родоплеменных объединений, титулы и звания).

Нередко из-за недостаточного знакомства с теорией перевода возникают ошибки в выделении реалий. Реалией является не любое слово, относящееся к безэквивалентной лексике: междометия, звукоподражания, хотя и не имеют однозначного перевода, не являются реалиями. Иногда реалиями ошибочно считают устаревшие слова исходного языка (историзмы), хотя у них имеется словарный перевод на другие языки. Наконец, реалиями не являются прилагательные и глаголы, образованные от слов языка оригинала по словообразовательным моделям принимающего языка.

Типология комментариев к реалиям основана на тех же принципах, что и типология комментариев к переводу фольклорного текста вообще. Комментарии разделяются по функции на историко-этнографические, филологические, фольклористические и текстологические; нередко полноценный комментарий к реалии представляет собой сочетание этих типов.

Недостатками комментариев к реалиям являются неполнота, отрывочность сообщаемых сведений и комментирование маловажных аспектов значения реалии в ущерб более важным.

Ключевые слова: эпос, фольклор народов Сибири, издание фольклора, теория перевода, реалии, классификация реалий, научный комментарий к переводу, устаревшая лексика, словарный перевод, безэквивалентная лексика, нулевой комментарий.

Yu. V. Limorenko

Realia and commentary on them in academic translations of heroic epics

Abstract. The paper explores the presentation of realia in the translation of the heroic epics of the peoples of Siberia into Russian. Using the comparative and classification-typological methods, thematic groups of realities found in the heroic epic were identified, the types of comments to realia were described, the types of errors and inaccuracies in identifying and commenting realia were studied. The study is based on the texts of heroic epics published in the bilingual academic series “Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East” and the scholarly apparatus of these volumes.

The folklore text is always saturated with realia, in the heroic epics they carry a great meaning, defining the historical, ethnographic and cultural background on which the plot develops. Most of the realia that can be found

---

ЛИМОРЕНКО Юлия Викторовна – к. филол. н., н. с. сектора фольклора народов Сибири Института филологии СО РАН, Новосибирск, Россия.

E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru

LIMORENKO Yulia Viktorovna – Candidate of Philological Sciences, Researcher of Siberian Folklore sector, Philology Institute of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russia.

E-mail: limorenko.yulia@yandex.ru.

in the heroic epic belong to three thematic groups: geographical (names of natural objects and various types of human settlements), ethnographic (household, economic, folk art, beliefs and cults) and socio-political (names of chiefs of tribal alliances, titles and ranks).

Often, due to insufficient acquaintance with the theory of translation, errors occur in the distinguishing of realia. Realia are not all words of void vocabulary: interjections, onomatopoeia, although they have no translation, are not realia. Sometimes the obsolete words of the source language (archaisms) are mistakenly considered as realia, although they have a vocabulary translation into other languages. Finally, adjectives and verbs formed from the words of the source language according to word-formation models of the receiving language are not realia.

The types of commentary on realia are based on the same principles as the types of commentary on the translation of a folklore text in general. Comments are divided by function into historical-ethnographic, philological, folkloristic and textual. Often a full-fledged commentary on the realia is a combination of these types.

The disadvantages of the comments on the realia are the incompleteness, fragmentary character of the reported information and commenting on unimportant aspects of the meaning of realia to the detriment of more important ones.

Keywords: epic, folklore of the peoples of Siberia, publication of folklore, theory of translation, realia, classification of realia, scientific commentary on the translation, obsolete words, vocabulary translation, void vocabulary, zero commentary.

Введение

В настоящей статье предпринята попытка описать тематические группы реалий, встречающихся в текстах героических сказаний народов Сибири, предложить методы комментирования реалий и классифицировать виды таких комментариев. Материалом для исследования служат тексты и переводы героических сказаний, опубликованные в томах двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока».

С опорой на ряд научных толкований термина «реалия» автором настоящей статьи сформулировано рабочее определение языковой реалии (т. е. лексемы-реалии), пригодное для использования в практической работе переводчика. Реалия – это имя существительное, относящееся к безэквивалентной лексике, обозначающее специфический элемент данной культуры, который в другой культуре отсутствует или имеет иное содержание.

1. Реалии в текстах героических сказаний и их особенности

Проблема реалий – одна из самых изучаемых в современной теории перевода. Различным вопросам, связанным с переводом реалий, посвящены тысячи статей и десятки монографий. Изучить эту тему до конца и поставить точку не позволяет невероятное разнообразие частных случаев, с которыми приходится иметь дело переводчику. Создатель научного перевода фольклорного текста в ещё более сложном положении по сравнению с переводчиками авторского художественного текста: у него намного больше ограничений при выборе методов и путей передачи реалий, а реалии в фольклорном тексте встречаются намного чаще и несут намного большую смысловую нагрузку.

Одним из самых авторитетных источников по исследованию реалий остаётся монография С. И. Влахова и С. П. Флорина «Непереводимое в переводе» [1]. На их классификациях реалий строятся исследования большинства современных авторов. Настоящая статья не станет исключением: в описании классов реалий, встречающихся в текстах сибирских героических сказаний, мы опираемся на предметную классификацию реалий, приведённую в указанной работе [1, с. 51-56]. Приходится, однако, заметить, что многие выводы, сделанные классиками переводоведения, остаются неосвоенными, и авторы публикаций о практических аспектах перевода реалий иногда упускают из виду уже разработанные стороны проблемы. Об одном таком упущении будет подробнее сказано ниже.

Опишем те группы реалий по классификации С. И. Влахова и С. П. Флорина, которые встречаются в текстах героических сказаний народов Сибири.

Географические реалии

1. Названия объектов физической географии, в т. ч. метеорологии. В фольклорных текстах такая лексика встречается, хотя и реже, чем можно ожидать. Особенность перевода таких реалий на русский язык – в том, что многие названия географических объектов давно и

прочно вошли в русский язык как заимствования. Некоторые из них уже так хорошо освоены, что не воспринимаются как чуждые. Из сибирских языков в русский вошли, например, такие наименования географических объектов, как *урман* «густой лес», *тайга* «хвойный лес», а также «горная вершина», *ерик* «речная протока», *елань* «ровная незаболоченная низина», *марь* «лес на болоте», *тугай* «заросли кустарника», *буран* «сильный порывистый ветер», *хиус* «резкий зимний ветер» [2]. Эти слова уже не следует считать реалиями – их значение (если оно не известно читателю) можно найти в словарях русского языка.

Напротив, такие слова, как *алаас* «луговое или полевое пространство, окружённое лесом» [3, с. 397], *артык* «горный перевал, горное ущелье, где проходит дорога» [3, с. 397], *аржан* «целебный источник» [4, с. 560], *алтай* «земля, страна, родовые места» [5, с. 638], *лайда* «поле, поляна, открытое, ровное место» [6, с. 384], являются именно реалиями географического типа, хотя их значение может быть известно и русскоговорящим жителям территорий, где они употребляются.

2. Названия географических объектов, связанных с человеческой деятельностью. В эпических сказаниях реалии этого типа, как правило, называют различные типы поселений: *улуус* «название якутской административно-территориальной единицы» [3, с. 400], *чурт* «стойбище» [7, с. 454], *чурт* «владение-земля с *аалом*, народом и скотом, а в более узком смысле – жилище с надворными постройками и всем хозяйством» [8, с. 451]. Последний пример показывает, что в разных родственных языках значения слов общего происхождения могут сильно различаться; такие реалии требуют точного пояснения в соответствии с их значением в каждом языке.

3. Названия эндемиков. Таких лексем в эпических текстах встречается сравнительно немало: *куран* «самец косули» [5, с. 639], *шене* «дикий пион, марьин корень» [4, с. 562], *ургене* «живородная гречишка (растение со съедобными зёрнами и корнями)» [4, с. 562]. Эта группа реалий – пограничная: нередко их проще передать калькированием, чем оставлять без перевода. Так, эвенкийское *куккү мѣвут* передано калькой «кукушкин аркан» [9, с. 244-245], хотя точный словарный перевод этого слова – «ипомея сибирская» [9, с. 388]. Такой вариант перевода названий эндемиков приемлем, если есть возможность создать кальку¹; если это невозможно или нежелательно, оптимально передавать реалии этой группы, как и остальные, транскрипцией.

Этнографические реалии

1. Быт. Эта подгруппа делится на ещё более мелкие подвиды: **пища** (и места её употребления), **одежда, жильё и утварь, транспорт, всё остальное.** Здесь эпические тексты дают, пожалуй, самое большое количество примеров. Можно сказать, что бытовые реалии создают ту самую специфику фольклорного мира, которая сразу же бросается в глаза читателю. В большинстве случаев бытовые реалии относятся к безэквивалентной лексике: материальная культура народа плохо поддаётся отражению средствами другого языка, даже если он родственен. У переводчика появляется много дополнительной работы – комментирование всех подобных реалий, а для этого нужно сперва самому разобраться в особенностях материальной культуры, посмотреть, а при возможности потрогать всё, о чём говорится в тексте, а как минимум изучить этнографическую литературу и фотографии музейных коллекций.

Этнобытовые реалии создают дополнительно ещё одну трудность: часто они включены в сложный контекст бытовых верований, обрядовых практик, повседневных примет и поверий. Отделить эту группу реалий от реалий чисто культурно-религиозных невозможно. Так, ритуальная пища – это и блюдо традиционной кухни, и элемент обрядового действия, поэтому комментарий к реалии обязательно должен учитывать этот аспект. К примеру, эвенкийский *тэкэун* – несомненно, национальное блюдо, но его ритуальный контекст важнее, чем просто характеристика «блюдо из медвежьего жира и мяса копытных животных» [9, с. 446]. Эта особенность накладывает определённые ограничения и на способ перевода реалии. Перевод методом подбора гипо-гиперонимических соответствий здесь нам не поможет: мы не можем выбрать генерализующее слово, поскольку трудно определить, что же в точности такое *тэкэун* – суп,

¹ В русском языке много примеров названий эндемиков, образованных по такой модели: дедушкин табак, кукушкины слёзки, мышинный горошек, гадючий лук, заячья капуста и др. В фольклорных текстах кальки, образованные таким образом, смотрятся стилистически гармонично.

густая похлёбка, варёное мясо? Это во многом зависит от того, как он приготовлен в каждом случае. Толкование внутри текста можно было бы применить, если бы текст был авторским и легко переносил некоторые добавления; но для научного перевода фольклора это невозможно. Перифраз типа «ритуальное блюдо» тоже не устроит читателя – во время ритуала «медвежьего праздника» (ещё одна этнобытовая реалья!) ритуальных блюд несколько, каждое готовят и едят в строго определённое время. Переводчику остаётся только один строго обоснованный путь – транскрипция и толкование в словаре непереведённых слов.

Бытовые реалии в эпических текстах часто относятся к подгруппе «пища»: приготовление пищи, застолья, угощение – важнейшие элементы эпического сюжета. Например, в «Указателе типических мест...» Е. Н. Кузьминой выделен тематический раздел «Богатырская еда», а в нём три подраздела: описание стола и угощения, вкушение яств и застольная беседа [10, с. 9]. Несколько примеров: *архи* «тарасун, молочная водка» [11, с. 301], *тоолэй* «сваренная баранья голова, обычно подносимая почётному гостю» [11, с. 301], *курут* «подсушенный кислый сыр, полученный после перегонки *араки* из *чегеня*» [5, с. 639], *борзак* «печенье в виде жареных в масле кусочков теста» [4, с. 560], *харта* «толстая кишка у лошади; деликатес якутского стола» [12, с. 312], *талкан* «национальное блюдо хакасов, приготовленное из жареного ячменя или пшеницы, с добавлением растопленного коровьего масла или *айрана* (напиток из кислого обрата), а также сама мука из жареного ячменя или пшеницы» [8, с. 450-451]. Можно было бы привести ещё десятки примеров – практически в каждом героическом сказании герои едят и пьют, иногда готовят еду.

Другая многочисленная тематическая подгруппа бытовых реалий – это названия жилья, утвари и рабочих инструментов, что также обусловлено связью с сюжетами сказаний. При передаче на ПЯ (принимающий язык) этих реалий калькирование почти никогда не применяется – жилища и орудия труда очень специфичны для каждой культуры. Несколько примеров: *орон* «общее название спальных мест в якутском жилище; постель, нары, топчан» [3, с. 399], *сэргэ* «коновязь, коновязные столбы» [3, с. 399], *туут* «охотничьи лыжи, подбитые шкурой шерстью наружу» [3, с. 400], *пордього* «небольшое деревянное ведёрко с волосяной дужкой» [5, с. 639], *аргак* «большой кожаный мешок, в котором готовят кислое молоко» [4, с. 560], *поняга* «наспинная доска для ношения тяжестей» [6, с. 384], *ташаор* «кожаный сосуд для хранения вина» [7, с. 454].

2. Искусство и культура, куда включаются названия музыкальных инструментов и видов искусства, народные названия фольклорных жанров, названия праздников и обрядов, народных игр, понятия мифологии и культа, самоназвания народов и племён, а также наименования людей по родству и старшинству. Эта группа настолько объёмна, что для удобства классификации её стоит разделить на более мелкие подгруппы.

Музыка, пение, музыкальные инструменты и исполнители. В эпических сказаниях часто упоминаются названия музыкальных инструментов, видов народных песен, стилей пения. В указателе Е. Н. Кузьминой в разделе описания способностей эпического героя есть подраздел «Музыкальные способности» [10, с. 9]. Приведём несколько примеров: *кай* «горловое пение сказителя» [7, с. 454], *хамей* «название сольного горлового, гортанного или гортанно-обертонового пения» [4, с. 562], *сыгыт* «вид горлового пения; двузвучная мелодия с низким гортанным и высоким свистящим звуком, напоминающим флейту» [4, с. 562], *комус* «язычковый музыкальный инструмент» [5, с. 639], *икили* «смычковый двуструнный национальный инструмент» [5, с. 639], *топчур* «щипковый музыкальный инструмент (лютня), в сопровождении которого исполняется эпос» [5, с. 639], *чор* «музыкальный инструмент типа продольной флейты (из зонтичного растения)» [5, с. 640], *хомус* «варган, музыкальный инструмент, представляющий собой железную полоску, согнутую лирой, со вставленным вдоль посередине стальным язычком» [3, с. 400], *тойук* «песня, песнопение» [3, с. 400] и т. д. К этой группе относятся названия исполнителей песен, сказаний, сказок: *хайджи-нымахчи* «певец-сказитель, импровизирующий *алыптых нымах*» [8, с. 451], *олонхосут* «сказитель *олонхо*» [12, с. 311].

Народные названия фольклорных жанров. Особенность этой группы реалий в том, что для их передачи всегда можно использовать метод гипо-гиперонимических соответствий, но получаемые таким образом переводы совершенно обезличивают фольклорный текст. Хакасский *алыптых нымах* – это, конечно, героическое сказание, но его природа и художественный мир

инные, чем у других героических сказаний – якутского *олонхо*, эвенского *нимкана* или бурятского *улигера*. Такой перевод дезориентирует читателя, а не помогает ему. Точно так же бессмысленно переводить обобщающим словом «песня» народные термины *таклак* (у шорцев), *ыр*, *кожамык* (у тувинцев) или *хэгэн* (у эвенков).

Праздники и обряды. Эта подгруппа реалий также очень велика и разнообразна, при необходимости классифицировать её можно на основе этнологических классификаций обрядов. Однако в эпических текстах реалии этой подгруппы не так часты. Приведём несколько примеров: *ысыах* «самый большой календарно-обрядовый праздник якутов, справляющийся в начале лета...» [12, с. 312], *той* «свадьба; праздник с обильным угощением в честь какого-либо торжественного события...» [5, с. 640].

Понятия мифологии и культа. Реалии этой подгруппы в текстах героических сказаний встречаются часто, поскольку тесно связаны с сюжетикой эпоса. Несколько примеров: *айыы* «названия высших существ, божеств, олицетворяющих начала добра и творчества и соответствующих божествам и богам в мифологии других народов...» [3, с. 397], *мангадхай* «многоголовое чудовище, антропоморфное существо, олицетворение зла, бедствий, насилия, болезней и несчастий. Он в разных обликах выступает главным антагонистом эпического богатыря» [11, с. 301], *айна* «злой дух подземного мира, пожирающий души людей» [7, с. 454], *Чамбы-дип* (*Ямбы-дип*) «вселенная, мир» [4, с. 562], *судур* «сутра (ламаистская книга), из которой герои эпоса узнают свою судьбу и обо всём что происходит на земле» [4, с. 562], *дыада* «в эпосе так называется камень, обладающий магическими свойствами в преодолении препятствий на пути» [5, с. 638], *илгэ* «божественная влага, дар богов, придающий силу богатырям...» [12, с. 308], *ай-кёстик* «букв. 'имеющий глаз-луну', волшебный предмет, через глазок которого богатырка наблюдает и видит на любом расстоянии всё происходящее на земле и в преисподней» [8, с. 450] (заметим, что слово «преисподняя» – неудачный перевод для хак. *хара чир* «чёрная земля», т. е. подземный мир; это тоже реалия указанной группы).

Самоназвания народов и племён. Люди в эпических сказаниях могут осознавать себя представителями той или иной этнической группы (*ураанхай* «древнее эпическое самоназвание якутов. В олонхо синонимично словам *киһи* 'человек' и *сах* 'якут'» [12, с. 312] или принадлежать к одному из народов трёхчастного мира (*айыы аймага* «общее название людей и божеств *айыы*» [3, с. 397]).

Наименования людей по родству и старшинству. Эта категория реалий – типичный «ложный друг переводчика»: кажущаяся простота перевода терминов родства и старшинства обогрывается необходимостью в итоге сохранять транскрибированный облик реалии и давать развёрнутый комментарий к ней, т. к. родственные связи и их иерархия в разных культурах сильно различаются. Покажем это на примерах: *келин* «молодая замужняя женщина» [5, с. 639]¹, *палам* «дитя моё, дочь моя, сын мой; ласковое обращение старшего к младшему» [5, с. 639], *убаай* «звательная форма от *убай* "старший брат, старший родственник по отцу", почтительное обращение к старшему брату, вообще к старшим по возрасту» [12, с. 312], *хотуйой* «обращение старших к молодым женщинам» [3, с. 400], *абба* «обращение к родным, двоюродным, троюродным и т. д. старшим братьям и к любому младшему брату отца» [8, с. 450].

Наименования героев по их достоинствам. К этой группе реалий относятся все традиционные обозначения протагонистов: *нойон* «молодой человек, молодец, удалец» [8, с. 399], *дангына* «дочь хана, красавица» [4, с. 560], *кесер* «богатырь, силач» [5, с. 639].

Общественно-политические реалии

В эпических сказаниях часто встречаются обозначения титулов, званий, наименований по должности, а также названия глав родоплеменных объединений; часто такие обозначения приобретают дополнительный смысл (это будет видно на примерах). К реалиям названной группы принадлежат, например, такие слова, как *ний* «1) знатный, богатый человек; 2) глава, вождь рода или племени; 3) судья в родовом или племенном союзе, не избираемый, но признанный

¹ На русский язык это слово иногда переводят как «сноха» или «невестка», но оба названных слова обозначают только отношения родства между молодой женой и родителями мужа, в то время как *келин* – это молодая жена вообще. Русский эквивалентный перевод «молодуха» не может быть рекомендован для научных изданий алтайских текстов из-за стилистической окраски (просторечное, областное слово).

народом» [7, с. 454], *хубун* «титул главы родоплеменного объединения у древних бурят» [5, с. 301], *зайсан* «правитель рода, наследный владделец земель» [5, с. 639], *ний* «господин, начальник» [5, с. 639].

Список групп и подгрупп реалий вообще довольно обширен, однако в текстах героических сказаний встречаются реалии не всех категорий. Так, практически не используются исторические названия административно-территориальных единиц, денег, названия органов власти.

Необходимо сказать о некоторых ошибках выделения реалий в фольклорных текстах. Например, как указывают С. И. Влахов и С. П. Флорин, реалия называет объект, человека или явление [1, с. 7], а подобные понятия в языке обозначаются существительными. Однако в ряде работ к реалиям причисляют глаголы (напр., *кайларить*, *каслать*), прилагательные. Так, «бранная (скатерть)» [13] – не реалия в русском фольклоре, поскольку, во-первых, не относится к безэквивалентной лексике, во-вторых, является именем прилагательным. Также неясно, почему автор указанной работы считает реалиями русского фольклора «сапоги» и «шубы» [13].

Другая ошибка выделения реалий – отнесение к реалиям других категорий безэквивалентной лексики. Так, словари непереведённых слов в томах двуязычной академической серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока», помимо реалий, содержат междометия, звукоподражания, запевные слова персонажей, а также ряд слов, не описывающих специфические стороны народного быта и культуры, однако не имеющие однозначного перевода (*кулугур* «бранное слово: плут, мерзавец, негодяй, пройдоха, ухарь» [4, с. 561]). Не все слова, вошедшие в Словарь непереведённых слов, следует считать реалиями, задача этого словаря несколько иная.

Принципы комментирования фольклорного текста

Вопрос о типах и природе комментариев к переводу художественного текста нельзя назвать полностью неизученным; проблемы комментирования перевода рассматриваются в ряде работ, посвящённых теории и практике художественного перевода [14; 15]. Однако вопрос о типах комментариев к переводу фольклорного текста до сих пор рассмотрен чрезвычайно мало (см., напр., [16]). Тем не менее, наработки исследователей художественного перевода могут быть использованы для анализа природы и разновидностей комментария к переводу образцов народной поэзии. Комментирование переводов эпических сказаний в этом аспекте представляет особую трудность, поскольку эпический мир, отражённый в текстах сказаний, должен быть представлен читателю с различных сторон. Важны географические, этнографические, исторические, культовые, бытовые стороны реальности, отображённой в эпосе.

В работах приводятся различные виды типологий переводческих комментариев. Так, в монографии Т. А. Казаковой описана функция переводческих комментариев: «... создавая комментарий, переводчик пытается совершить невозможное: восполнить утраченное в переводном тексте или дополнительное по отношению к нему знаковое поле неуловимых семиотических свойств, обладающих силой воздействия на ассоциативное мышление читателя» [14, с. 136-137]. Автором перечислены [14, с. 137-145] пять видов комментария:

1. словарный комментарий – по форме он аналогичен статье двуязычного словаря;
2. сопоставительный комментарий – показывает межъязыковые или межкультурные несоответствия, не отражённые в словарях;
3. дополняющий комментарий – сообщает сведения, побочные по отношению к комментируемому словесному знаку;
4. пояснительный комментарий – описывает контекст, не известный читателю, и культурные ассоциации, известные носителям ИЯ (исходного языка);
5. нулевой комментарий – случай, когда комментарий необходим, но отсутствует.

Выделение нулевого комментария вовсе не лишено смысла, особенно для фольклорного текста: лакуна комментирования – показатель методологии перевода и подготовки к изданию фольклорного образца. По отсутствию комментария к тому или иному фрагменту фольклорного текста можно сделать вывод, что переводчик считает предполагаемую аудиторию перевода способной разобраться в семантике текста без пояснений.

Одна из проблем комментирования заключается в том, что текст комментария не может быть включён непосредственно в текст, подлежащий объяснению, он существует параллельно

и, таким образом, усложняет устройство всего текста в целом. В. И. Карасик пишет об этом так: «В качестве части дискурса комментариев представляет собой распространённый приём расщепления линейной организации любого общения...» [15, с. 42]. Нелинейность комментария относительно поясняемого текста диктует определённые требования к комментарию, о чём будет подробнее сказано ниже.

В. М. Моисеев предлагает функциональную классификацию комментариев к переводу [17, с. 133-134]:

1. объясняющий комментарий, задача которого «объяснение реципиенту текста незнакомых ему явлений иной лингвокультуры». В числе комментариев к фольклорным текстам подобных комментариев большинство;

2. уточняющий комментарий – «в тех случаях, когда понятие знакомо, система ассоциаций и оценок, связанных с этим понятием, может различаться в когнитивных базах средних представителей соответствующих лингвокультур» [17, с. 134]. Подобные ситуации встречаются при комментировании фольклорных текстов, когда поясняются слова или выражения, вошедшие в периферийный фонд лексики ПЯ (т. е. могут быть известны не всем носителям ПЯ). Такими комментариями могут сопровождаться в русском переводе слова типа *улус*, *малгай*, *балаган*, которые употребляются в русском языке в значениях, отличных от значений в ИЯ (бурятском, якутском);

3. сопоставительный комментарий, применяемый в случаях, когда выражение ИЯ имеет полный аналог в ПЯ (это касается в основном фразеологизмов). В комментариях к переводу фольклорных текстов это частое явление, например, с алтайским выражением, буквально означающим «чёрная печень моя болит», может быть сопоставлено русское выражение «сердце моё болит»;

4. переводной комментарий, когда «для понимания иноязычных вставок в текст ... переводчику необходимо передать их средствами языка перевода» [17, с. 134]. Такие комментарии к переводу фольклорных текстов не встречаются;

5. критический комментарий используется в случаях, когда «возникает необходимость критической оценки информации, содержащейся в тексте» [17, с. 134]. Иногда подобные комментарии необходимы в фольклорных изданиях, например, когда дата или место исторического события, упоминаемого в тексте, исполнителем указаны неверно, неточно.

Автор настоящей работы предлагает другую классификацию комментариев к переводу фольклорного текста, основанную на характере комментируемого фрагмента [16, с. 17-19], причём объектом комментирования могут быть не только фактические сведения (названия, реалии, семантика слов), но и элементы текста как такового (типические места, анафорические повторы и др.), а также связи текста и его элементов с другими текстами в рамках традиции. Выделяются следующие типы комментария:

1. историко-этнографический комментарий поясняет «этнографический контекст публикуемых памятников» [18, с. 5], описания обрядов, словесным компонентом которых являются публикуемые тексты, исторических событий, историко-географических справок о местах обитания и межэтнических контактах данного народа, элементов мировоззрения (в т. ч. различных верований и мифологических представлений);

2. филологический комментарий включает в себя обоснование перевода, объяснение вынужденных отступлений от оригинала или толкование мест в тексте перевода, которые переданы буквально; также он может содержать пояснения переводчика к выбору тех или иных языковых средств (например, стилистически маркированной лексики, своеобразного синтаксиса и т. д.) в зависимости от языковой специфики оригинала. Еще одна его функция – объяснение логических связей, неявно выраженных или просто опущенных в тексте, но необходимых для его понимания иноязычным читателем. Объектом филологического комментария могут быть отдельные слова и выражения оригинального текста, не нуждающиеся в переводе как таковом, например, если сказитель употребил слово, заимствованное из русского языка;

3. фольклористический комментарий касается таких аспектов перевода, как объяснение специфической образности, толкование иносказаний и идиоматических выражений, а также раскрытие для читателя, не владеющего языком оригинала, особенностей художественной

системы памятника, его поэтики, т. е. тех изобразительных и выразительных средств оригинала, которые не могут быть отражены в переводе или передаются лишь частично;

4. текстологический комментарий должен выявить и продемонстрировать связи данного текста с другими текстами той же или другой поэтической традиции. Это касается комментариев к устойчивым формулам и общим местам эпоса, к сюжетным типам сказок, к сопоставлению различных вариантов текста и т. д. Также в текстологический комментарий могут входить пояснения относительно вкраплений в текст элементов текста иной жанровой природы и попытки объяснения «темных мест».

Поскольку одно и то же место в тексте может требовать пояснения с разных точек зрения, посвященная ему статья или глава должна сочетать в себе комментарии нескольких типов. Такой комментарий можно назвать комплексным.

Комментарий к реалии: что и как мы поясняем?

Особенного внимания переводчика требует комментирование реалий. Кажущаяся простота этой задачи обманчива: тесная связь реалий с вещным миром и нематериальной культурой народа в большинстве случаев не позволяет дать простое и однозначное толкование реалии. Начав пояснять какой-то из компонентов значения реалии, переводчик неизбежно выходит на другие компоненты, связанные с различными сферами жизни, истории и культуры народа. Следующие примеры комментирования реалий из текстов героических сказаний покажут всю трудность поставленной задачи и способы её разрешения.

Наибольшую трудность представляет комментирование реалий, относящихся к сфере мифологии, культов и верований; часто пояснение одного аспекта значения реалии ведёт к необходимости ссылаться на другие, чтобы дать читателю относительно цельную картину.

Пересечение «бытового» и «культового» значений реалии мы можем видеть на примере лексемы *аба*: «*Аба (абы, абу)* – дядя по отцовской линии (у южных алтайцев), отец (у некоторых групп северных алтайцев). Ср. др.-тюрк.: *ава* – «предок»... В алтайском эпосе Эрлик часто назван *аба, ада* (отец). По воззрениям алтайцев, Эрлик был старшим братом верховного божества Ульгена» [5, с. 638]. Изучим этот комментарий как пример сложного пояснения историко-этнографического и фольклористического характера.

Первое, что узнаёт читатель из этого комментария, что отец и дядя по отцу у разных групп алтайцев могут называться одним словом. Это отсылает нас к системе родственных отношений, которая сейчас не известна большинству европейских народов, а именно к особой роли деления родственников на родню по отцу и по матери (что показано и ссылкой на древнетюркское слово). Вдаваться в подробности этих родовых отношений – не задача краткого комментария, но вопрос о родственных связях алтайцев для читателя уже намечен. Очевидно также, почему слово *аба* оставлено без перевода: в разных случаях оно переводилось бы по-разному (это один из лингвистических признаков реалии).

Далее мы узнаём, что *аба*, т. е. родичем, отцом или дядей, алтайцы называют Эрлика – владыку подземного мира (о нём есть справка далее в томе: [5, с. 648]). Но Эрлик – родич не алтайцев, а Ульгена – верховного божества. Вопрос, почему люди именуют его *аба*, нигде в комментариях не освещён, нет также ссылок на этнографические работы. Между тем, найти этому объяснение можно, к примеру, в энциклопедии «Мифы народов мира»: «... Э. наделён функциями демиурга. ... представления об Э., наделяющем душой, возможно, были и у монголов...» [19, с. 668]. Миф об Эрлике-демиурге есть у алтайцев (см., напр.: [20, с. 48-67]). Тогда становится яснее, почему для людей Эрлик – «отец»: он причастен к их созданию. Этого важного момента нет ни в комментарии к слову *аба* в «Словаре непереведённых слов», ни в справке об Эрлике в «Указателе эпических и мифологических персонажей» [5, с. 641-648].

Можно видеть, что оба аспекта значения реалии *аба* в комментарии не раскрыты до конца. Конечно, это увеличило бы объём комментария, но подобные расширенные пояснения требуются не всем реалиям, а Эрлик как важнейший персонаж алтайской мифологии, пожалуй, заслуживает такого внимания.

Приведём ещё пример комментария к реалии из сферы культа и праздничной традиции: «*Ысыах (ыһыах)* – национальный праздник якутов, устраиваемый в начале лета и сопровождаемый танцами, игрищами и кумысным питьём. В прошлом *ысыах* устраивали по случаю

свадьбы и других важных событий. В олонхо их устраиваются по поводу всех важнейших событий (победа героя, женитьба богатырей и т. п.), но обязательно приуроченных к лету. В настоящее время *ысыях* является всенародным национальным праздником» [3, с. 400]. Цитированный комментарий относится к историко-этнографическому виду.

Комментарий обращается одновременно к трём аспектам значения реалии в культуре: это традиции праздника, его функции в текстах *олонхо* и современное отношение к нему. Цитированный комментарий можно считать практически образцовым: все важные для понимания текста подробности значения реалии изложены точно и кратко, читателю удобно воспринимать такой комментарий. Если здесь и можно что-то добавить, то разве что особенности передачи самого слова *ысыях* на русском языке. Как отмечено в статье А. А. Васильевой [21], русская традиция требует, чтобы это слово передавалось в транслитерации, но транслитерированное написание не передаёт звучания слова, не показывает читателю звукового облика реалии. Этот момент следовало бы отметить в комментарии и привести транскрипцию, тогда представление реалии было бы максимально полным.

Особая проблема, стоящая перед переводчиком и комментатором, – различение реалий и малоупотребительных русских слов. Ошибка этого рода «преследует» слово «торока». У В. И. Даля читаем: «ТОРОКА мн. и тороко ср. ремешки позадь седла, для пристежки, см. торочить» [22]. Здесь же Даль приводит однокоренное слово «оторочка», т. е. «ленточка для обшивки». «Отороченный» в современном русском означает «обшитый, отделанный по краю». Однако в Словаре непереведённых слов тома «Алтайские героические сказания» мы видим странное слово «тороки» (с неверно поставленным ударением). Толкование его такое же, как у Даля, однако это не непереведённое слово, и в Словаре ему не место. Тем более это не реалия: в алтайском тексте ему везде, без исключений соответствует слово *пöктөргөдö*. Русское, хотя и малоизвестное, слово откомментировано как «непереведённое» и дано в неверной начальной форме.

Аналогичный случай наблюдаем в томе «Бурятский героический эпос “Аламжи Мэргэн”». В Словаре непереведённых слов «тороки» дано как реалия в значении «дорожные сумы всадника, при верховой езде приторачивались к седлу» [11, с. 301]. Получается, что «тороки» приторачивались, т. е. от предполагаемой реалии образовано новое слово. Но ведь слово «приторачивать» (а не «приторочивать»¹) известно в русском языке, да и в оригинале слову *тороки соответствуют разные бурятские слова [11, с. 122-123, 128-129, 254-255, 256-257]. Подобные ошибки недопустимы ни при переводе, ни при комментировании.

Недостаточность комментария нередко проявляется в том, что важные компоненты его значения упускаются. Рассмотрим с этой точки зрения комментарий к реалии *тас*: «Тас – 1) помощник богатыря-вождя, букв. «плешивый»; 2) название рода у кумандинцев и шорцев» [7, с. 454]. Что такое «помощник богатыря-вождя» и в чём он помогает, остаётся непонятным читателю. Также не ясно, почему помощник вождя называется плешивым. Пояснения этого момента есть в комментариях к переводу [7, с. 446], но они отделены от комментария к реалии, что затрудняет пользование справочным аппаратом тома.

Заключение

Настоящее исследование показало, что реалии в текстах героических сказаний многочисленны и важны для содержания и стилистики текстов. Их можно сгруппировать по тематическим группам; в основном они относятся к географической, этнографической и общественно-политической группам.

Принципы выделения реалий описаны в литературе, что позволяет не допускать ошибок: не следует включать в число реалий слова, не относящиеся к безэквивалентной лексике, а также малоупотребительные слова ПЯ. Теоретические основы составления комментариев к фольклорному тексту применимы и к комментированию реалий, что позволяет избежать логических ошибок и недостаточности пояснений, в результате чего «за кадром» комментария остаются важные компоненты значения реалии.

¹ См.: Толковый словарь русского языка / Под ред. Б. М. Волина и Д. Н. Ушкакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1939. Т. 3. С. 866.

Литература

1. Влахов С. И., Флорин С. П. Непереводимое в переводе. – М.: Междунар. отношения, 1980. – 343 с.
2. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири. Заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. – Новосибирск: Наука, 2000. – 772 с.
3. Якутский героический эпос «Могучий Эр Соготох». – Новосибирск: Наука. Сибирская издательская фирма РАН, 1996. – 440 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 10). (на якутском и русс. яз.)
4. Тувинские героические сказания / Сост. С. М. Орус-оол. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 584 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 12.). (на тувинском и русс. яз.)
5. Алтайские героические сказания: Очи-Бала. Кан-Алтын. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 668 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 15.). (на алтайском и русс. яз.)
6. Эвенкийские героические сказания / Сост. А. Н. Мыреева. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1990. – 392 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на эвенкийском и русс. яз.)
7. Шорские героические сказания. – М.; Новосибирск: Наука, 1998. – 463 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 17.). (на шорском и русс. яз.)
8. Хакасский героический эпос: Ай-Хуучин. – Новосибирск: Наука. Сибирское издательско-полиграфическое и книготорговое предприятие РАН, 1997. – 479 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 16). (на хакасском и русс. яз.)
9. Обрядовая поэзия и песни эвенков / Сост. Г. И. Варламова, Ю. И. Шейкин. – Новосибирск: Академическое издательство «Гео», 2014. – 487 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 32). (на эвенкийском и русс. яз.)
10. Кузьмина Е. Н. Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири (алтайцев, бурят, тувинцев, хакасов, шорцев, якутов): эксперим. изд. – Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2005. – 1383 с. (на алтайском, бурятском, тувинском, шорском, хакасском, якутском и русс. яз.)
11. Бурятский героический эпос / Сост. М. И. Тулохонов. – Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние, 1991. – 312 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на бурятском и русс. яз.)
12. Якутский героический эпос: Кыыс Дэбиллэйэ. – Новосибирск: ВО «Наука», 1993. – 330 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока). (на якутском и русс. яз.)
13. Самойлова Е. В. Описательный перевод при передаче слов-реалий русских сказок на английский язык // Инновационная наука. – 2017, № 03-2. – С. 85-87.
14. Казакова Т. А. Художественный перевод: Теория и практика. – СПб.: Ин'Гязиздат, 2006. – 544 с.
15. Карасик В. И. Комментарий как жанр герменевтического дискурса // Язык, коммуникация и социальная среда: сб. науч. тр. Вып. 7. – Воронеж, 2009. – С. 32-47.
16. Лиморенко Ю. В. Проблемы перевода фольклорных текстов в научном издании // Живая старина. – 2011, № 4. – С. 17-20.
17. Моисеев В. М. Проблема типологии и точности комментариев к переводу художественного текста // Вестник Омского университета. – 2014, № 3. – С. 132-135.
18. Принципы и порядок подготовки томов серии «Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока». 2-е изд., перераб. и доп. – Новосибирск: Институт филологии СО РАН, 2003. – 21 с.
19. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. – М.: Советская энциклопедия, 1988. – 720 с.
20. Несказочная проза алтайцев / Сост. Н. Р. Ойноткинова, И. Б. Шинжин, К. В. Яданова, Е. Е. Ямаева. – Новосибирск: Наука, 2011. – 576 с. – (Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока; Т. 30). (на алтайском и русс. яз.)
21. Васильева А. А. Основные приемы русско-якутского перевода (на материалах перевода олонхо) // Вестник СВФУ. – 2001. Т. 8, № 2. – С. 105-112.
22. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=40368> (дата обращения: 17.07.2019).

References

1. Vlahov S. I., Florin S. P. *Neperevodimoe v perevode* [The intranslatable in Translation]. Moscow, Mezhdunar. otnošenija, 1980, 343 p.
2. Anikin A. E. *Etimologičeskii slovar' russkikh dialektov Sibiri. Zaimstvovaniia iz ural'skikh, altaiskikh i paleoaziatskikh iazykov* [Etymological Dictionary of Russian Dialects in Siberia: Loan words from Uralic, Altai and Paleo-Asiatic Languages]. Novosibirsk, Nauka, 2000, 772 p.
3. *Yakutskij geroičeskij epos "Moguchii Er Sogotokh"* [Yakut heroic epic "The Mighty Er Sogotokh"]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskaja izdatel'skaja firma RAN, 1996, 440 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 10* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 10]). (In Yakut and Russ. lang.)
4. *Tuvinskie geroičeskie skazaniia* [Tuvinian heroic epics]. Sost. S. M. Orus-ool. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predpriiatie RAN, 1997, 584 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 12* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 12]). (In Tuvinian and Russ. lang.)
5. *Altaiskie geroičeskie skazaniia: Ochi-Bala. Kan-Altyn* [Altai heroic epics: Ochi-Bala. Kan-Altyn]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predpriiatie RAN, 1997, 668 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 15* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 15]). (In Altai and Russ. lang.)
6. *Evenkiiskie geroičeskie skazaniia* [Evenki heroic epics]. Sost. A. N. Myreeva. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 1990, 392 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Evenki and Russ. lang.)
7. *Shorskie geroičeskie skazaniia* [Shor heroic epics]. Moscow; Novosibirsk, Nauka, 1998, 463 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 17* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 17]). (In Shor and Russ. lang.)
8. *Khakasskij geroičeskij epos: Ai-Khuuchin* [Khakass heroic epic: Ai-Khuuchin]. Novosibirsk, Nauka. Sibirskoe izdatel'sko-poligraficheskoe i knigotorgovoe predpriiatie RAN, 1997, 479 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 16* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 16]). (In Khakass and Russ. lang.)
9. *Obriadovaia poeziia i pesni evenkov* [Ritual poetry and songs of Evenki]. Sost. G. I. Varlamova, Yu. I. Sheikin. Novosibirsk, Akademicheskoe izdatel'stvo "Geo", 2014, 487 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 32* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 32]). (In Evenki and Russ. lang.)
10. Kuz'mina E. N. *Ukazatel' tipičeskikh mest geroičeskogo eposa narodov Sibiri (altaitsev, buriat, tuvintsev, khakasov, shortsev, yakutov): eksperim. izd.* [Index of loci communi of the heroic epic of the peoples of Siberia (Altaians, Buryats, Tuvans, Khakasses, Shors, Yakuts). Experimental edition]. Novosibirsk, Izd-vo SO RAN, 2005, 1383 p. (In Altai, Buryat, Tuvinian, Shor, Khakass, Yakut and Russ. lang.)
11. *Buriatskij geroičeskij epos* [Buryat heroic epic]. Sost. M. I. Tulokhonov. Novosibirsk, Nauka. Sib. otd-nie, 1991, 312 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Buryat and Russ. lang.)
12. *Yakutskij geroičeskij epos: Kyys Debiliye* [Yakut heroic epic: Kyys Debiliye]. Novosibirsk, VO «Nauka», 1993, 330 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East]). (In Yakut and Russ. lang.)
13. Samoilova E. V. *Opisatel'nyi perevod pri peredache slov-realii russkikh skazok na angliiskii iazyk* [Descriptive translation of realia of Russian folktales into English]. In: *Mezhdunarodnyi nauchnyi zhurnal "Innovatsionnaia nauka"* [International scientific journal "Innovation science"]. 2017, No. 03-2, pp. 85-87.
14. Kazakova T. A. *Khudozhestvennyi perevod: Teoriia i praktika* [Literary translation: Theory and practice]. Saint Petersburg, Inyazizdat, 2006, 544 p.
15. Karasik V. I. *Kommentarii kak zhanr germeneticheskogo diskursa* [Commentary as a genre of hermeneutic discourse]. In: *Iazyk, kommunikatsiia i sotsial'naia sreda: sb. nauch. tr. Vyp. 7* [Language, communication and social sphere. Coll. of studies. Iss. 7]. Voronezh, 2009, pp. 32-47.
16. Limorenko Yu. V. *Problemy perevoda fol'klornykh tekstov v nauchnom izdanii* [Problems of translation of folklore text in a scientific publication]. In: *Zhivaia starina* [Living Old Times]. 2011, No. 4, pp. 17-20.

17. Moiseev V. M. *Problema tipologii i tochnosti kommentarijev k perevodu khudozhestvennogo teksta* [Problem of typology and accuracy of commentary on a literary text]. In: *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of the Omsk University]. 2014, No. 3, pp. 132-135.

18. *Printsipy i poriadok podgotovki tomov serii "Pamiatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka"* [Principles and procedures of editing the volumes of the series "Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East"]. 2-e izd., pererab. i dop. Novosibirsk, Institute of Philology of SB RAS, 2003, 21 p.

19. *Mify narodov mira. Entsiklopediia. T. 2* [Myths of the Peoples of the World. Encyclopedia. Vol. 2]. Moscow, Sovetskaja jenciklopedija, 1988, 720 p.

20. *Neskazochnaia proza altaitsev* [Non-fairytales of Altaians]. Sost. N. R. Oinotkinova, I. B. Shinzhin, K. V. Yadanova, E. E. Yamaeva. Novosibirsk, Nauka, 2011, 576 p. (*Pamjatniki fol'klora narodov Sibiri i Dal'nego Vostoka; T. 30* [Monuments of Folklore of the Peoples of Siberia and the Far East; Vol. 30]). (In Altai and Russ. lang.)

21. Vasil'eva A. A. *Osnovnye priemy russko-iakutskogo perevoda (na materialakh perevoda olonkho)* [The basic methods of the Yakut-Russian translation (based on the Olonkho translation)]. In: *Vestnik SVFU* [Herald of the North-Eastern Federal University], 2001, vol. 8, No. 2, pp. 105-112.

22. Dal' V. I. *Tolkovyj slovar' zhivago velikoruskago iazyka* [Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language] [Web source]. URL: <https://www.slovardalja.net/word.php?wordid=40368> (accessed July 17, 2019).